

Н.М. Менькова

«О война, что ты, подлая, сделала!..»

Булат Окуджава

МЫ ПОМНИМ...

По своему происхождению и обстоятельствам последующей жизни я принадлежу к большому родственному клану: конгломерату семей, связанных узами родства и свойства. Это семьи моих деда и бабушки по отцу: Слободкины и Раппопорты; род прибалтийских дворян фон Бремзен и старообрядцы Ефремовы – к ним я примыкаю по линии матери. Наконец, родные моего мужа: Меньковы – дали мне свою фамилию и стали для меня близкими людьми.

Я много занималась генеалогией родственных мне семей: записывала предания и были, разыскивала старые письма и фотографии... Но семейную историю я знаю не только по воспоминаниям и сохранившимся документам: я была свидетельницей многих событий нашего времени и среди них самой трагической эпопеи XX века – Великой Отечественной войны. Это были годы суровых испытаний для всей страны и для каждой семьи. Многие наши родственники ушли на фронт, но не все вернулись домой: одни были убиты, другие пропали без вести... Целые семьи погибли на территории, оккупированной врагом, а также умерли во время Ленинградской блокады... В семейной генеалогии возникли невосполнимые бреши...

Прошло 70 лет со времени начала великой войны. Родились и выросли новые члены родственного сообщества, постепенно уходят те, кто помнили военные годы, и вместе с ними исчезает память о былом. Поэтому в год семидесятилетия со дня начала войны хочется воссоздать некоторые страницы семейной истории, чтобы молодое поколение могло отдать должное памяти ушедших...

Участники войны и труженики тыла из семьи Меньковых

Практически, все взрослые члены семьи Меньковых были участниками войны и, прежде всего, глава семьи, мой свекор, Василий Михайлович. Он был мобилизован еще в Первую мировую, и заслужил в боях Георгиевский крест; потом он прошел Гражданскую войну... Невеста Василия Михайловича – Анастасия Васильевна Филиппова – ждала его шесть лет, пока он не вернулся в родной подмосковный Егорьевск...

В 1939 году Василий Михайлович, тогда уже отец пятерых детей, был участником «освобождения» Западных Украины и Белоруссии. Только по воле случая не попал он в финскую кампанию 1940 года. Поэтому, когда в начале июня 1941 года его снова призвали в армию, он сказал жене: «Ну, мать, начинай сушить сухари! Видно, скоро опять начнется война...»

Василию Михайловичу было в то время уже под пятьдесят, поэтому он был участником стройбата: вместе с другими бойцами возводил укрепления, строил временные аэродромы в непосредственной близости к линии фронта.

Во время бомбежки под старой Руссой его завалило в землянке, после чего он, фактически, лишился ног. И прошло более двух лет, прежде чем в его конечностях восстановилось кровообращение, но до последних лет жизни Василий Михайлович ходил, прихрамывая. Но он все же остался живым, а два его брата: Леонтий и Николай Меньковы – погибли на фронте...

Из семьи Василия Михайловича были призваны в армию его сыновья Анатолий и Михаил, а также дочь Вера, служившая зенитчицей на одной из подмосковных батарей, защищавших нашу столицу от вражеских налетов. Дома с матерью оставались младшие дети: Боря и Клавочка.

Борис Меньков в тринадцать лет пошёл работать в литейный цех. Мать будила его в пять утра, и он шёл через весь город на завод, где смена начиналась в шесть часов. Мальчики работали на формовке мин: заполняли формовочной смесью («землёй») специальные ящики – опоки, закладывали в них деревянные модели деталей мин, а потом утрамбовывали «землю» вручную или пневматическими перфораторами; это была очень тяжелая работа для ослабленных недоеданием подростков. Рабочий день длился 9 часов без перерыва; один раз в день ребятам приносили прямо на рабочие места по кружке молока и по куску чёрного хлеба. К тому же в цеху было очень холодно, и во время кратковременных пауз в работе мальчишки старались погреться около вагранки – печи, в которой плавился металл. Только когда наметился перелом в ходе войны, и на завод начали возвращаться специалисты, ребята вернулись в школу, чтобы продолжать учебу...

Приемный сын Меньковых – Михаил Филиппов, мастер металлообработки высокой квалификации, был отправлен за Урал, где в суровых зимних условиях экстренно налаживалась работа военных заводов. И за всех воевавших на фронте и трудившихся в тылу молилась жена Василия Михайловича – Анастасия Васильевна, и, наверное, ее молитвы доходили до Бога, так как все члены ее семейства вернулись домой живыми.

В семье Меньковых не было принято вспоминать о тяжелых буднях войны. Когда все собирались вместе, то рассказывали какие-нибудь забавные истории или беззлобно подшучивали друг над другом. Вспоминали, как не хотели брать в военное училище брата Мишу, который был худеньким и малорослым: «Мало каши ел. Подрасти, дружок!» – шутил военком. Но Миша был настойчив и добился-таки своего.

Старший брат Анатолий, авиационный техник, обслуживавший самолеты на передовой, с юмором рассказывал, как сестра Вера и ее подруги стреляли по фашистским самолетам. Якобы, выходил старшина и начинал командовать: «По немецко-фашистским захватчикам..., нарушившим государственную границу... Союза Советских Социалистических Республик... в четыре часа утра... 22 июня 1941 года... – Огонь!!» – А самолетов уже и след простыл. Но, конечно, это была только шутка: мы знаем, что зенитные батареи, расположенные вокруг Москвы, не пропускали фашистские самолеты к столице, поэтому разрушения в городе были не столь значительны, как, например, в Лондоне или в Берлине.

Семья Бремзен во время войны.

Семья Бремзен, к которой принадлежала моя мать, имела прибалтийские корни, однако волею судеб один из представителей этого рода – Густав Густавович фон Бремзен – оказался в Астрахани. Там он состоял на государственной службе и имел чин надворного советника, а, кроме того, основал доходный рыбный промысел. У Густава Густавовича было шесть сыновей и четыре дочери, но войны, революции, сословные гонения и репрессии привели к тому, что к началу Великой Отечественной войны в семье осталось только двое мужчин призывного возраста. Это были внуки основателя рода: Андрей Сергеевич Бремзен и Алексей Петрович Франгулов, сын дочери Густава Густавовича, известной на рубеже XIX-XX веков певицы Ольги фон Бремзен.

Алексей Петрович Франгулов

Алексей Петрович Франгулов, 1905 года рождения, жил с семьей в Ленинграде. По воспоминаниям родных, он был человеком мягкого характера, исключительно скромным и добросовестным. Работал начальником цеха на заводе имени Ленина. Примечателен такой факт его биографии: как известно, незадолго до войны учредили ордена и медали Советского Союза, и Алексей Петрович представил к награде своих подчинённых, в то время как другие начальники записывали, прежде всего, самих себя. Алексея Петровича это очень возмущало, он считал подобный образ действия безнравственным, и, в результате, остался без заслуженной награды.

Когда началась война, Алексей Петрович отправил жену Елизавету Дмитриевну и сына Сережу к родственникам в Дзержинск Горьковской области, а сам ушёл на фронт. Вот что написал о последнем этапе жизни А. П. Франгулова его сын Сергей Алексеевич: «На заводе, где работал отец, был сформирован так называемый истребительный отряд (типа партизанского, хотя он состоял из военнослужащих). Отряд был заброшен на Карельский перешеек и попал в окружение. Пробивались к своим двумя группами. Одна вышла из окружения, из другой не вернулся никто...» Так погиб Алексей Петрович Франгулов в самом начале войны, осенью 1941 года.

Андрей Сергеевич Бремзен

Андрей Сергеевич Бремзен был младшим братом моей матери, Ирины Сергеевны. Он родился 16 марта 1915 года, и его детство и отрочество пришлось на самое тяжелое для нашего Отечества время. К тому же в семилетнем возрасте он лишился отца... Дворянское происхождение не позволило ему после окончания школы поступить в институт: пришлось пройти «перековку» в недрах рабочего класса. Андрей закончил школу ФЗО, работал некоторое время электрослесарем, потом поступил на рабфак и только в 1936 году стал студентом Московского института связи, который он закончил накануне войны, причем был рекомендован в аспирантуру. К этому времени у него уже была семья: жена Алла Николаевна, студентка МИСИ, и четырехлетний сын Сережа.

В первые же дни войны Андрей Бремзен пошел добровольцем на фронт, отказавшись от брони, которую ему предлагали как ценному специалисту в области радиотехники: «Почему кто-то должен идти на фронт вместо меня, а я буду отсиживаться в тылу?» - говорил он.

... Андрюшу провожали на фронт три раза: из-за неразберихи первых дней войны никак не могли сформировать эшелон. В первый раз пришли все близкие, поплакали, распрощались... Через несколько часов моя мать зашла к бабушке, чтобы побыть с ней, подбодрить, утешить, и к своему удивлению увидела, что Андрей сидит дома и занимается немецким языком. «Зачем тебе это?» – спросила мама и услышала в ответ: «Война скоро кончится, и мне всё равно придётся сдавать кандидатские экзамены». Во второй раз проводы Андрюши были менее многочисленными, а в последний раз мама приехала на вокзал одна, и он помахал ей на прощание с подножки вагона своей кепочкой...

Военная часть, куда направили Андрея, располагалась на аэродроме в Борисполе под Киевом, в самом эпицентре военных действий. Немцы рвались к столице Украины, город и его окрестности обстреливался круглосуточно... В августе 41-го родные получили от Андрея два письма, в одном из которых он написал: «Нас непрерывно бомбят, и один Бог знает, что с нами будет...»

В начале сентября Киев был взят, а вскоре пришло извещение о том, что младший лейтенант Андрей Бремзен пропал без вести. Мой отец, который очень хорошо относился к Андрюше, отдавая дань его большим способностям, долго и упорно разыскивал его, проникая в «святая святых» военкоматов – картотеки. Никаких сведений об Андрюше не было, но однажды отцу сказали, что карточка А.С. Бремзена находится в работе – кто-то, видимо, запрашивал о его родных. Действительно, вскоре выяснилось, что некий Иван Загоруйко просил сообщить ему адрес матери Андрея. Тогда папа с новой надеждой начал разыскивать И. Загоруйко, но и его следы исчезли.

И надо же, такой случай... Я уже работала во Всесоюзном заочном энергетическом институте (ВЗЭИ), преподавала детали точных механизмов, как вдруг ко мне на рецензию пришел курсовой проект... Ивана Загоруйко. Я тот час же отослала отзыв на этот проект, причем особо подчеркнула, что тема работы товарища Загоруйко интересует кафедру, и его просят зайти к преподавателю Меньковой.

И вот он пришел, Иван Загоруйко, немолодой, потрепанный жизнью человек; по возрасту он вполне мог бы быть участником войны. Так оно и оказалось – он был на фронте, причем в первые месяцы Великой Отечественной воевал именно на Украине. «Скажите, – говорю я ему, – а Вы на фронте не встречали Андрея Бремзена?..» – Нет, в этом пекле ему не довелось встретить моего дядю... Видя мое волнение, он добавил только, что его имя и фамилия очень распространены на Украине и в Белоруссии. «В нашем городке только на своей улице я знаю четырёх однофамильцев», – сказал он.

К сожалению, у нас сохранилось мало Андрюшиних фотографий, но те снимки, которыми мы располагаем, дают представление о внешнем облике Андрея Сергеевича Бремзена, исполненном ума, доброты и благородства. Что же касается его внутренних достоинств, то мне пришлось много слышать

об этом. Еще в отроческом возрасте Андрюша проявлял неординарные способности к точным наукам и к технике, а в студенческие годы стал, без преувеличения, надеждой отечественной школы радиотехники. Об этом много раз говорили его сыну – Сергею Бремзену – соученики его отца по Институту связи, ставшие после войны профессорами, докторами наук, академиками. Андрея же Сергеевича Бремзена давным-давно нет на свете, и мы даже не знаем точно, где он погиб: считается, что под Борисполем, так как оттуда пришли его последние письма...

Однако недавно племянница Андрея Сергеевича и моя двоюродная сестра Ирина Сергеевна Шорохова напомнила мне об одном странном сообщении, которое в свое время горячо нами обсуждалось, а потом было забыто. В конце сентября 1941 года Андрюшиной жене Алле Николаевне позвонила какая-то женщина и сказала, что она получила письмо от своего мужа, в котором тот сообщал, что находится на Брянщине в партизанском отряде, и вместе с ним воюет Андрей Бремзен, который просит дать об этом знать его родным. Алла, жена Андрюши, ходила к этой женщине домой – куда-то на улицу Жуковского или Чаплыгина, прочитала у неё это письмо... Но вскоре, 16 октября, началась экстренная эвакуация населения из Москвы, и семья Андрюши уехала в Среднюю Азию. А когда Алла вернулась, то не смогла найти ни этой женщины, ни дома, где она жила; утратился и ее телефон...

Сейчас, когда в тех местах, где шли бои, работают поисковые отряды, появилась новая надежда: а вдруг удастся что-нибудь узнать об Андрее Сергеевиче или найти место его захоронения?.. Пока наши попытки тщетны...

Но все-таки есть место, куда мы можем прийти, поклониться его памяти: на Ваганьковском кладбище возле могилы матери Андрея – Анны Харитоновны – установлен камень, на котором выбиты имена Андрея Сергеевича и его отца – Сергея Густавовича Бремзена, захоронение которого было утрачено во время войны.

Отрадно, что Бремзенский род с гибелью Андрея не угас: вырос его сын Сергей Андреевич, у него появились свои дети: дочь Анна стала журналисткой, сын Андрей, полный тезка своего деда – талантливый математик и экономист. А недавно родился сын Андрея Сергеевича-младшего – Константин Бремзен.

Бремзены во время Ленинградской блокады

Блокада была страшным испытанием для всех жителей Ленинграда, в том числе и для наших родных. Никто из них не сумел выехать из осажденного города, и почти все они умерли. Старшей из погибших была моя прабабушка Анна Евлампиевна, девятилетняя от роду. Незадолго до войны она приехала к своему сыну Алексею Густавовичу Бремзену, главному эксперту по полиграфии, консультанту Государственного монетного двора. Этот человек оказывал поддержку и покровительство всем своим родным, и многочисленные племянники уважали и очень любили своего дядю Лёлю. Алексей Густавович и его мать умерли почти одновременно в марте 1942 года.

В блокадном Ленинграде погибли сестра А.Г. Бремзена – Елизавета Густавовны, в замужестве Одинцова, ее дочь Елизавета Владимировна и сын последней — четырнадцатилетний Алеша. Умер также ребенок, родившийся перед самой войной, но чей это был сын и как его звали, мы уже никогда не сумеем выяснить... Когда я думаю об этом безымянном младенце, мое сердце преисполняется жалостью к тем, кому не суждено было вырасти и продолжить род человеческий...

Я все-таки предполагаю, что это был второй сын Лизы Одинцовой-младшей, с которой у меня существует какая-то удивительная связь... Я никогда в жизни с ней не встречалась и впервые увидела ее на фотографии наших ленинградских родственников, сделанной в 1925 году. Увидела – и поразились нашему с ней сходству... Впоследствии, занимаясь генеалогией, я не раз сталкивалась с подобным феноменом: дальние родственники различных поколений оказывались поразительно похожими друг на друга... Существует мнение, что количество генотипов homo sapiens в природе ограничено, и это подтверждается существованием двойников даже среди чужих людей...

Из всех родственников по этой линии в живых осталась только племянница Алексея Густавовича – Елизавета Константиновна Бремзен. Я состояла с ней в интенсивной переписке, и она сообщила мне следующее: «Когда я вспоминаю блокаду и все ужасы связанные с ней: голод, холод (до минус 40 градусов), гибель родных – бабушки, дяди Лёли, тети Лизы с семьей – и их похороны, то я просто поражаюсь, как я смогла все это вынести... Наверное, помогла молодость: было мне тогда 29 лет. В блокадные годы я, практически, не уходила из школы – не только, по возможности, проводила уроки, но и оставалась с детьми после занятий, заботилась о них, помогала им выжить». За работу в 1942-43 блокадном учебном году Елизавета Константиновна была награждена медалью «За оборону Ленинграда» и Почетной грамотой Ленгорно и Профсоюза работников средней школы.

Участники двух войн из рода Ефремовых.

Ефремовы – это семья моей бабушки по материнской линии. Родоначальник семьи, крестьянин Петушковского уезда Владимирской губернии Харитон Ефремович Ефремов в середине XIX века пришел с ватагой бурлаков в Астрахань. Там он занялся торговлей вразнос, и рано или поздно благодаря природной сметке разбогател, вышел в купцы первой гильдии, стал почетным гражданином города.

Харитон Ефремович был истовым старообрядцем, и женился он на дочери старообрядческого священника Ирине Ивановне Романовой. В доме, где выросло шестеро детей, царил домострой в его наиболее радикальной форме. Дочерей, не спрашивая их согласия, в 16 лет отдавали замуж за людей богатых, но совершенно им не подходящих... Не была счастлива в браке и средняя дочь Ефремова – Мария Харитоновна, по мужу Кузнецова. Тем не менее она родила мужу пятерых детей. После смерти отца она ушла от мужа, приобрела профессию фельдшера, жила своим трудом, а затем второй раз вышла замуж за Александра Александровича Перова и родила еще сына и дочку.

Судьбы детей Марии Харитоновны в большинстве своем были сложными, порой трагичными; им довелось испытать на себе все тяготы и бедствия XX века. Да и сама Мария Харитоновна не пережила Ленинградской блокады...

Павел Михайлович Кузнецов

Старший сын Марии Харитоновны – Павел Михайлович Кузнецов – погиб во время Первой мировой войны, и памяти о нем, практически, не сохранилось, но мне удалось найти в Московском историческом архиве некоторые его документы и фотографию, на которой был запечатлен интересный молодой человек лет семнадцати-восемнадцати. По этим материалам я смогла частично воссоздать историю его короткой жизни.

Павел Михайлович родился в 1895 году. Он закончил в Астрахани реальное училище и в 1913 году стал студентом Московского императорского технического училища (теперь это МГТУ им. Баумана). Но в 1914 году началась Первая Мировая война, так что Павлуше Кузнецову удалось закончить только три курса механического факультета. В начале 1917 года его призвали в армию, и он оказался в Петергофской школе прапорщиков, по окончании которой его отправили в действующую армию. Он был убит в том же 1917 году, и это была первая жертва семьи суровому богу войны Аресу.

Антонина Михайловна Кузнецова

Дочь Марии Харитоновны от первого брата звали Антониной Михайловной. Она в первые годы революции получила медицинское образование, работала врачом в клинической больнице и в первые же дни Великой Отечественной войны ушла на фронт.

Вначале она работала в военно-полевых госпиталях, а когда наша армия перешла в наступление, военврач Кузнецова начала работать начальником санитарного отряда. Это была очень тяжелая и, прямо скажем, неприятная работа... После освобождения нашими войсками населенного пункта бойцы санотряда очищали улицы, организовывали захоронение павших, выявляли и изолировали инфекционных больных, проверяли и дезинфицировали в случае надобности источники питьевой воды... Антонине Михайловне эта работа была по плечу: она отличалась большой организованностью, властным и энергичным характером. Армейское командование не раз отмечало ее благодарностями и наградами.

После войны Антонина Михайловна вернулась к лечебной практике: в московской городской больнице № 6 на Старой Басманной улице она заведовала неврологическим отделением... Грозой в белом халате проходила она по коридорам и палатам вверенного ей отделения, санитарки и медсестры трепетали и старались как можно добросовестнее выполнять свои обязанности. Во вверенном ей хозяйстве был полный порядок. Знаю это не понаслышке: у нее в отделении лежал мой отец...

Своей семьи у А.М. Кузнецовой не было, но она воспитывала племянника – Марата Кузнецова, сына своего репрессированного брата Николая;

вместе с ним она в конце жизни получила квартиру на Щелковской – до этого жила в коммуналке...

К нашей семье Антонина Михайловна питала особую симпатию, любила мою мать и часто приходила к нам в гости, а после смерти мамы перенесла свое расположение на меня... Помню, как по воскресеньям она появлялась у нас на даче в Перловке: высокая, энергичная, всегда с красивой прической... Назвать ее старухой просто язык не поворачивался... К тому же наша тетя Тоня живо интересовалась искусством, литературой, кино. Обычно она приходила с последним номером журнала «Новый мир» или «Иностранная литература» и тут же организовывала дискуссию по поводу какого-нибудь нового «забойного» произведения. Она была неизменной посетительницей кинофестивалей, участницей литературных вечеров. От нее первой я услышала о Булате Окуджаве...

Умерла А.М. Кузнецова в глубокой старости в 1983 году.

Александр Александрович Перов

От второго брака Мария Харитоновна Ефремова имела двух детей: Александра Александровича и Галину Александровну Перовых. Александр Александрович, 1911 года рождения, был кадровым военным. В 1930 году он окончил летную школу и был направлен на Дальний Восток, а затем его перевели в Оренбург, где он служил до начала Великой Отечественной войны.

В период военной эпопеи он некоторое время служил в аэросанном батальоне, а затем ему пришлось сменить профессию (не знаю уж в связи с чем), и Александр Александрович стал танкистом. Свою тридцатилетнюю службу в вооруженных силах А.А. Перов закончил в Калининграде, после чего возвратился в родной Ленинград.

Я мало знала Александра Александровича: видела его всего раз или два. Мне он запомнился человеком очень высокого роста в военной форме с орденскими планками на офицерском кителе. Мы с ним обменялись парой писем по поводу семейной истории Ефремовых: он интересовался генеалогией, разыскал в Астрахани захоронение Харитона Ефремовича и его жены... Своим дедом он очень гордился, говорил: «Мы все крупные, высокие – значит пошли в деда Харитона!»

Умер А.А. Перов в 1995 году.

Галина Александровна Перова

С дочерью Марии Харитоновны Ефремовой от ее второго брака я очень сблизилась в процессе своих занятий генеалогией. Галина Александровна Перова, в замужестве Моисеенко, была последней из двадцати пяти внуков Харитона Ефремовича Ефремова. Она родилась в 1920 году, и была моей теткой, но я ее ощущала как бы принадлежащей к моему поколению и даже называла просто Галей: настолько она была моложавой, приветливой, интересной женщиной; к тому же она была всего на 13 лет старше меня. Она оставалась во время войны в Ленинграде и по моей просьбе прислала мне свои воспоминания о блокаде и о смерти своей матери.

...Мария Харитоновна не могла уехать из Ленинграда, так как на руках у неё был тяжело больной сын Федор Михайлович и дочь Галя, студентка медицинского института. Федор умер осенью 1941 года, и его еще удалось похоронить общепринятым порядком. Но с наступлением зимы обстановка усугубилась, и на долю Марии Харитоновны и ее дочери выпали холод, голод и все тяготы блокады. В одном из писем Галина Александровна написала о том, как в феврале 1942-го ей удалось обменять меховую жакетку на небольшое количество продуктов: пшеница, подсолнечного масла, сахара... Чтобы отнести все это богатство домой, нужно было перебраться через Неву, но у Гали, замерзшей и ослабевшей от голода, не было сил взобраться на мост, да и идти до него было далеко. Вот она и решила перейти Неву по льду. Вначале все было хорошо: наст был еще крепкий, но взобраться на противоположный берег реки оказалось очень трудно. Галя карабкалась по ледяному откосу, поранила до крови руки, слезы текли у нее по щекам и замерзали на ветру... Ей казалось, что она никогда не выберется наверх, никогда не вернется домой... Но все-таки в тот день ей удалось добраться до своей квартиры, а добытые такой дорогой ценой продукты на некоторое время продлили им с матерью жизнь...

Мария Харитоновна скончалась 25 марта 1942 года. Галя лежала вместе с ней в ледяной квартире и ждала своей смерти: у нее не было сил похоронить мать. И вдруг пришли Галины однокурсницы: оказывается, началась эвакуация Ленинградского медицинского института (ЛМИ). Девушки помогли Гале отвезти тело матери на сборный пункт, а что похоронили Марию Харитоновну на Пискаревском кладбище, она узнала только после войны.

«Полуживую меня вывезли из блокадного Ленинграда вместе с 1-м ЛМИ в Кисловодск, – писала мне далее Галина Александровна. – Ехали целый месяц. На станции Минутка в инфекционном госпитале мы прошли санобработку: меня вынесли из вагона, и какая-то старушка мыла меня в ванной, причитая: «Да ты помрешь! Да ты скелет!» – Но молодость победила: я выжила...» Другое дело, что Кисловодск вскоре был занят немцами, и Галя пять месяцев провела в оккупации... Что называется, «из огня, да в полымя!»

После войны Галина Александровна вышла замуж за Михаила Дорофеевича Моисеенко, вырастила двух прекрасных детей. Ее дочь Мария Михайловна – врач-акушер, кандидат медицинских наук. Сын Владимир Михайлович – доктор медицинских наук, известный у нас и за рубежом онколог.

Галина Александровна умерла в 2005 году в окружении любящих детей и внуков.

Олег Сергеевич Ефремов

Олег был сыном Сергея Ивановича Ефремова, правнуком Харитона Ефремовича Ефремова, и как большинство представителей этой фамилии, был он высок ростом, строен и красив. Накануне войны ему исполнилось 18 лет, он окончил школу, и уже решался вопрос о том, что делать дальше: поступать ли в вуз или начать трудовую деятельность... Но грянула война, и Олег ушел на фронт. Вначале он учился в военном училище, так что в действующую армию его отправили только в конце 1942 года.

А в 1944 году родители его получили извещение о том, что их сын пропал без вести. Долгие годы Сергей Иванович и его жена Антонина Александровна жили надеждой на то, что Олег не убит, что он рано или поздно вернется к ним. Сергей Иванович так и не дождался каких-либо известий, в середине пятидесятых годов он умер. Что же касается Антонины Александровны, матери Олега, то она еще долго жила, звонила нам, приходила в гости. Однажды, это было в конце 60-х годов, она сказала нам, что получила письмо из Белоруссии: красные следопыты нашли братскую могилу, где захоронен ее сын, и извещали ее об этом. «Так я похоронила Олега во второй раз, – говорила Антонина Александровна, – и теперь мне больше не на что надеяться...» Вскоре после этого Антонина Александровна скончалась, и с ее смертью утратились семейные фотографии и реликвии рода Ефремовых. Так что, когда я спустя почти 30 лет после наших последних с ней встреч вздумала заняться генеалогией, мои попытки разыскать что-либо не увенчались успехом.

Однако, когда вышла Московская книга памяти, то в пятом томе этого издания я обнаружила следующую запись: «Ефремов Олег Сергеевич, старший лейтенант, родился в 1923 году в Москве. Погиб 21.07 1944 г. Похоронен в деревне Гожа Гродненского района, Гродненской области, Беларусь». Я сомневалась, стоит ли писать в деревню, которой, быть может, давным-давно уже нет, как нет и Советского Союза... Но тут вышла книга генерала Лебеда «За державу обидно», из которой я узнала, что в Гродненской области существует обширный Гоже-Пореченский полигон воздушно-десантных войск, получивший свое название по одной из близлежащих деревень.

Я написала в деревню Гожа, и 16 ноября 1996 года неожиданно получила бандероль из Белоруссии: Гожский исполком, расположенный на территории почтового отделения Гожа, прислал мне книгу на белорусском языке «Памяць», изданную в 1993 году в Минске, содержащую запись о гибели О.С. Ефремова, а также трогательное письмо. В нем говорилось о том, что Олег Сергеевич похоронен в братской могиле, что находится в центре деревни Гожа, и в 1957 году над ней сооружен памятник – скульптура солдата с автоматом в руках, а рядом – четыре стелы с именами восьмидесяти четырех погребенных там воинов. Над могилой шефствуют ученики местной школы, где имеется также музей боевой славы.

Так мы узнали о месте захоронения Олега Сергеевича Ефремова, последнего представителя некогда многодетного и процветающего рода.

Фронтвики из семьи Слободкиных

Слободкины – это семья моего отца. Его родители, брат и три сестры до войны жили в Харькове, да и мой отец Марк Исаевич Слободкин, окончивший в этом городе Технологический институт, работал там до 1938 года. Но мать моя была москвичка, и она в конце концов уговорила отца перебазироваться в столицу. Он прошел по конкурсу на должность преподавателя Артиллерийской академии и окончательно уехал из Харькова.

К началу войны отец уже был профессором, доктором наук, заведующим кафедрой, так что призыву он не подлежал, а готовил высококвалифицированные кадры военных специалистов. Но на фронте были его сестра и младший брат.

Сара Исаевна Слободкина

Со старой фронтовой фотографии на меня смотрит женщина средних лет в военной форме: сестра моего отца, военврач Сара Исаевна Слободкина. Она была мобилизована в первые же дни войны. Работала в санитарном поезде, в полевых госпиталях близ линии фронта. Ее демобилизовали только в 1946 году.

К сожалению, о ее деятельности в военные годы у меня не сохранилось каких-либо сведений: мы жили в разных городах, виделись редко, а во время наших кратковременных встреч было не до воспоминаний: обсуждались текущие семейные новости. К тому же была моя тетя очень скромным человеком, не склонным к самовозвеличиванию...

Помню только, что сменив военную форму на штатское платье, Сара Исаевна вернулась к своей довоенной узкой специальности – она была педиатром и до конца жизни работала в детских больницах, а летом вывозила детей в летние лагеря и загородные сады. Своей семьи у нее не было, и она всю себя посвятила заботе о здоровье своих многочисленных маленьких пациентов.

Дмитрий Савич Слободкин

Дмитрий Слободкин – младший брат моего отца, хотя его отчество иное, чем у брата и сестер: свое прозвание он еще в тридцатые годы несколько «русифицировал».

Он родился 9 января 1911 года (по новому стилю) в Курске. Высшее образование получил в Харькове, где окончил инженерно-строительный институт, работал в проектных организациях города. К тому же мой дядя Митя, которого я хорошо знала и очень любила, был не чужд литературной деятельности: печатал рассказы и очерки в периодической печати.

В своих воспоминаниях, которые он издал в 1998 году в Нью-Йорке, Дмитрий Савич написал: «Грянула война. Ее я промерил от Харькова до Сталинграда и от Сталинграда до победы». В соответствии со своей гражданской профессией мой дядя на фронте был сапером: наводил мосты и переправы, строил оборонительные сооружения, разминировал подходы к вражеским позициям. Незадолго до конца войны он был тяжело ранен... К сожалению, уже упомянутые воспоминания Дмитрия Савича посвящены довоенным годам, о войне он собирался написать позже, но... не успел.

После выписки из госпиталя дядю Митю демобилизовали, и жизнь его в мирное время сложилась удачно: он женился на очаровательной женщине – Августе Ильиничне Юкелис, которая родила ему двух прекрасных мальчиков. Под влиянием старшего брата, моего отца, Дмитрий Савич занялся шахтным строительством, и в 1957 году защитил кандидатскую диссертацию на оригинальную тему: замораживание обводненных горных пород, плыву-

нов, жидким азотом. Этот метод был успешно использован на многих горных предприятиях и не только...

...Свой метод Дмитрий Савич предложил применить для стабилизации положения знаменитой падающей Пизанской башне. Построенная в XII веке башня-колокольня дала крен уже в первые десятилетия своего существования. Сейчас в своей верхней части она имеет отклонение от вертикали около 5,5 м при общей высоте до 58 м... Причину отклонения Пизанской башни от вертикали следовало искать в неоднородности и «слабости» грунтов, лежащих в основании сооружения.

Проанализировав имеющиеся материалы, Д.С. Слободкин предложил пробурить под северной частью башни на глубине 5-6 метров несколько горизонтальных скважины и подавать туда по обсадным трубам жидкий азот. Это позволило бы заморозить грунты до температуры минус 130-150 градусов, то есть придать им крепость, не уступающую металлическим сплавам. Проект Слободкина получил полное одобрение в Академии наук СССР, и трест Шахтспецстрой переслал в Италию технические разработки, а также предложил Пизанской мэрии свои услуги по их воплощению в жизнь. Однако МИД СССР не поддержал инициативы изобретателя, и проект закрепления грунтов в основании Пизанской башни был предан забвению.

Однако в Италии к этой разработке вернулись, и в марте 1995 года поступило сообщение о том, что грунты под фундаментом башни были заморожены жидким азотом, что может гарантировать стабилизацию башню в ее наклонном положении. На это сообщение Д.С. Слободкина отреагировал так: «Конечно жаль, что мою идею я не смог пробить через железный занавес. Но приятно знать, что она все же использована».

Свою жизнь Дмитрий Савич Слободкин закончил в 2006 году в Нью-Йорке.

Жертвы войны из семьи Раппопорт.

Ревекка Марковна Раппопорт – это моя бабушка со стороны отца. Она вместе с детьми подолгу гостила в селе Семёновка (сейчас это райцентр Черниговской области), в имении своего брата Наума Марковича Раппопорта. Где-то поблизости жили его родные братья, которые по каким-то особым соображениям, связанным, по-видимому, с воинским призывом, носили другие фамилии: один из них числился Батшевером, другой – Гейлинсоном. Сестры дяди Наума – так называл его мой отец – выходили замуж и получали прозвания своих мужей: Гальперина, Ресина, Головчинер, Слободкина (именно моя бабушка)... Так образовался целый клан близких родственников, носивших разные фамилии.

Рано или поздно родственники моей бабушки расселились по разным местам, но, преимущественно, на Украине и в Белоруссии. Знаю, что, по крайней мере, две семьи: Головчинеры и Ресины – обосновались в Киеве. До войны мои родители переписывались с ними, бывая в Киеве, навещали их.

Во время войны мои еврейские родственники оказались на оккупированной немцами территории, и больше мы о них ничего не знаем. После ос-

вобождения Украины от немцев мой отец и его сестра ездили в Киев, но им не удалось найти никого из родных... Видимо, все они стали добычей Бабьего Яра... И здесь я могу написать только о двух своих родственниках по линии бабушки, судьбы которых мне известны.

Владимир Гальперин

Один из двоюродных братьев отца – красивый, высокий Володя Гальперин жил с семьей в Ленинграде. Я очень хорошо его помню. Когда я слышу довоенную песню «Парень кудрявый, статный и бравый...» в исполнении Эдит Утесовой, мне кажется – это о Володе. Он был кадровым военным, а может быть, еще учился в военном учебном заведении в Ленинграде. К нам он приезжал в военной форме, которая ему очень шла, был неизменно весел и ласков с нами, детьми...

Его убили в первые дни военной неразберихи... «Парень кудрявый, статный и бравый, что же ты покинул нас?» Сестра Володи позже назвала в честь него своего сына, но какие бы дети могли быть у самого Володи... На меня произвели большое впечатление как-то прозвучавшие слова Путина, о «неродившихся младенцах многих и многих погибших солдат»... Конечно, Гальперины – распространенная еврейская фамилия, однако в своей семье Володя был единственным сыном, и с его гибелью эта ветвь рода пресеклась...

Ева Батшевер

Ева была двоюродной племянницей моего отца, она жила с родителями в Харькове. Я никогда ее не видела, только слышала, что была Ева необыкновенной красавицей. Она вышла замуж против воли своих родных за украинца по имени Георгий... Это был второй смешанный брак в нашем родственном клане: первыми нарушили патриархальные традиции мои родители... Незадолго до войны у Евы и Георгия родились две девочки, которым родители дали красивые иностранные имена: Жанна и Нелли.

А после войны мы узнали о том, что Ева погибла, причем выдал ее фашистам муж: он сам отвел Еву на Тракторный завод, куда немцы собирали всех оставшихся в городе евреев... Куда девался муж Евы, и что стало с их детьми – я не знала... И прошло почти 50 лет, прежде чем я случайно узнала, что дочери Евы уцелели – их спрятала бабушка, мать Георгия, а сам он после гибели жены ушел в подполье, потом был на фронте. После войны он вернулся в Харьков и посвятил жизнь детям: больше не женился, сам вырастил дочек, отдал их замуж, дождался внучат... И тогда вся эта история с выдачей Евы фашистам представилась мне совершенно в ином свете...

Я вдруг представила себе всю безысходность положения двух этих людей: по каким-то причинам Георгий не сумел отправить в эвакуацию свою семью. А может быть, Георгий решил спрятать Еву и дочек в деревне у своей матери, а потом испугался предательства соседей и вернулся с ними в город. Ведь немцы наступали так стремительно, и принять правильное решение в той сложной ситуации было нелегко... Враги вошли в город, и вот на стенах

домов появился приказ комендатуры: всем евреям надлежало явиться с минимумом багажа на Тракторный завод...

Я представила себе, как Ева и Георгий сидели всю ночь и думали, как поступить: вернуться на хутор к матери? Скрыться в городе у друзей? Нет, все это было ненадежно: у Евы была характерная библейская внешность. Можно было попытаться спасти девочек, спрятав их одних, без матери. «Ну, тогда мы пойдем на Тракторный вместе!» – говорил Георгий. – «Нет, нет! Кто-то ведь должен остаться с детьми... Будем надеяться, что со мной ничего дурного не случится, и когда немцев отсюда выгонят, мы опять встретимся. А девочек надо уберечь!» – Так говорила Ева мужу, а сердце вещало ей другое, и она, наскоро собрав кое-что для себя, складывала в чемодан детское белье, платица и пальтишки.

Утром, когда дети еще спали, они вышли на улицы города, где были так счастливы. Они держались за руки, и Георгий нес маленький чемоданчик Евы. Чем ближе подходили они к Тракторному заводу, тем больше присоединялось к ним людей, молчаливых, печальных. Многие везли с собой детей, и Ева, несмотря на свою горе, благодарила Бога за то, что ее дочери спят спокойно дома. И ее мысли были о детях – последние материнские заботы: «Не забудь надеть Жанночке теплую кофточку, у нее насморк...» – «Положи в сумку для Неллички куклу, она будет скучать в деревне без игрушек...»

Но вот проходная. Перед ней немецкий патруль. Георгий судорожно сжимает руку Евы, но она мягко и властно отстраняет его. Последний взгляд. Поцелуй. Прощальные горькие слова. – «Ева! Ева!..» – Грубый гортанный окрик, толчок в спину. Конец. Мрак. Вечное раскаяние поседевшего за одну ночь человека...

Напечатано в литературном альманахе
«Лесной орех» № 4, 2011 г., Москв